

МОЩИ СОВЕТСКОГО ИМПЕРАТОРА

Ксения Черкаева

Статья была впервые опубликована на английском языке в журнале «Anthropology and Humanism» в 2017 году: Cherkaev X. How Grades Had Been Gotten for Penguins and Money // Anthropology and Humanism. 2017. Vol. 42. No. 1. P. 127–134. Перевод публикуется с согласия автора.

The Soviet Emperor's Relics

Xenia Cherkaeva

The article was first published in the journal “Anthropology and Humanism” in 2017: Cherkaev X. How Grades Had Been Gotten for Penguins and Money // Anthropology and Humanism. 2017. Vol. 42. No. 1. P. 127–134. The author has given consent for this publication of the article to “In Your Own Words” (“Svoimi Slovam”).

*Благодарю Елену Т. за ее неоценимую помощь
в переводе этого текста на русский язык.*

Это история о советских пингвинах и о студенческих зачетках, об этике и практиках неформальных отношений в Ленинграде 1980-х и Санкт-Петербурге 2010-х годов, а также о том, как несоизмеримость ценности предметов внезапно становится началом для невымышленных историй и поводом для застольных рассказов. Я расскажу вам об одном императорском пингвине: о птице, которая однажды погибла, была найдена, продана, куплена, подарена, сделана чучелом, заброшена, найдена, украдена и подарена вновь.

Для меня эта история началась лишь в 2010 году в Санкт-Петербурге, где я собирала устные рассказы о вещах, которые советские люди исхитрились делать «налево» и выносить контрабандой с ленинградских заводов. Таких самодельных вещей и вещиц у моих фигурантов было много, и они были весьма разнообразными — от изящных титановых вязальных спиц, сделанных в Физико-техническом институте имени Иоффе, до внушительных надгробий из сверкающей нержавеющей стали, изготовленных в цехах Ижорского металлургического завода. Истории их создания казались мне иной раз совершенно фантастическими. Впрочем, люди любят травить приукрашенные байки о собственной доблести и обо всем, что грозило им неприятностями, но чудом сошло с рук.

Эту историю мне рассказал внук боевого контр-адмирала по имени Толя, муж моей подруги и человек, совсем не склонный к авантюрам, даже немного скучный в своей предсказуемой стабильности. Толя — биолог, токсиколог, начинавший свою карьеру в засекреченной советской лаборатории военных антидотов и ныне работающий в небольшой муниципальной фирме, занимающейся очисткой воды по заказам городского водоканала.

Вот его история: в 1983 году он учился на втором курсе Ленинградского ветеринарного института. Зимой наступила регулярная экзаменационная сессия. Толя стоял за воротами института со своими друзьями-однокурсниками, все они нервно курили и уныло обсуждали предстоящий экзамен по теме болезней птиц. Никто из этой компании молодых балбесов и будущих специалистов советского ветеринарного дела не посещал второстепенного класса и о болезнях птиц ровным счетом ничего не ведал... Ситуация казалась абсолютно безнадежной: профессор, принимавший экзамен, был старомоден и педантичен, невосприимчив к взяткам, к теле-

фонному праву и студенческому нытью. Он был человеком старой академической закалки, о котором всему институту были известно: профессор страстно любил только науку о птичьих болезнях и институтскую коллекцию чучел птиц, которую сам и создавал на благо научной орнитологии. Учить болезни птиц студентам было поздно, роковой час сдачи экзаменов наступил.

Однако... в сумеречном утреннем освещении промышленной улицы студенты внезапно заметили мужика, бредущего в обнимку с императорским пингвином, точнее с его замороженным трупом.

— Мужик, стой! — окликнули студенты мужика, — а что это такое у тебя?

Мужик ответил:

— Да вот, пингвин.

— Зачем тебе пингвин, мужик? — спросили студенты, и робкий лучик надежды блеснул в их кислом царстве уныния...

На самом-то деле, у мужика не было особой нужды в мертвом пингвине. Мужик не был орнитологом, он был работягой, отработавшим ночную смену, обычным забуддыгой-поденщиком, нанятым за три рубля для авральной выгрузки мороженой рыбы из вагонов на консервном рыбозаводе неподалеку. Он нашел труп мороженого пингвина в вагоне-рефрижераторе с мороженой рыбой, которую сортировал и перегружал на конвейер. Вооруженная вневедомственная охрана завода охраняла исключительно рыбу, мертвый пингвин ее вовсе не интересовал, и потому мужик вынес его с завода абсолютно беспрепятственно. Может быть, для того, чтобы детям во дворе показать?

Возможно, вы удивитесь, услышав об императорском пингвине в Ленинграде — городе, расположенном в относительной близости от Арктического полярного круга, потому что пингвины обитают ровно на противоположном конце земного шара, в Антарктиде. Но такая географическая странность события вовсе не была такой уж странной: Советский Союз занимался промышленным рыболовством в Южном океане с зимы 1969–70 года [Kock 1992:183]. Алчная добыча морских биоресурсов советскими монстрами — плавучими рыбозаводами — у антарктических берегов принимала столь угрожающие размеры, что к середине 1980-х годов американские организации, такие как Фонд защиты окружающей среды и Национальная служба морского рыболовства, были уже всерьез обеспокоены переловом рыбы и криля многотоннажными советскими судами в антарктических водах: «Нет сомнений, что советский рыболовный флот опасно конкурирует с пингвинами и тюленями» [Lammi 1987]. Так в статье 1987 года цитировалось беспокойство ученого Фонда

защиты окружающей среды — ведь животные Антарктики рисковали остаться на голодном пайке, пока советские фабричные цыплята жирели на антарктическом криле.

Мобилизовав свой военно-промышленный комплекс на исследование Южного океана, Советский Союз создал свою первую антарктическую станцию уже в 1956 году — всего за пять лет до того, как он вывел на орбиту первого человека. Идеологическое веяние хрущевской оттепели приняло во внимание и космос, и далекую Антарктиду, назначив их отдаленными уголками дружелюбной советской Родины. Пингвины именно в ту пору становились героями мультфильмов, их легко было встретить среди детских игрушек и в рекламе мороженого. Они, в конце-то концов, довольно милые и комичные существа. Но вот только сама Антарктида была очень, очень далеко от СССР. До Антарктиды и пингвинов было 45 дней морского пути! Полтора месяца дороги по морю — таков был путь гигантских плавучих заводов, возвращавшихся в Мурманский порт с огромным уловом криля, рыбной муки, рыбьего жира, консервов и замороженной рыбы.

Рыба из антарктических вод на столах в Ленинграде водилась. Кого в Ленинграде остро не хватало, так это настоящих живых пингвинов: даже в Ленинградском зоопарке их не было.

Так вот, Толя и его друзья дружно метнулись к мужику и принялись умолять его отдать им труп пингвина и тем лично вступить за славу ленинградского студенчества, за общественную пользу изучения болезней птиц, за благо и процветание всего человечества, за мир во всем мире. А еще мужику посулили все монеты, какие студенты совокупно наскребли в карманах. Бумажных денег у нерадивых учеников в карманах уже не было, ведь разорительные новогодние праздники миновали только что. Мелочи в денежном эквиваленте набралось на пять кружек разливного пива. Против пяти кружек пива мужик не устоял и мороженого пингвина студентам тотчас отдал ради торжества ветеринарной науки.

Затем студенты послали старосту своей группы на переговоры к профессору, чтобы намекнуть на существенный изъян институтской коллекции птиц: в ней остро не хватало чучела императорского пингвина. Советские корабли всю бороздили просторы Антарктики, а ветеринарный институт в Ленинграде все еще отставал от важной общественно-политической темы...

— Откуда у тебя императорский пингвин?

— Профессор, вот только не будем углубляться в детали, пожалуйста! — староста якобы ответил так. — Позвольте мне сразу обратиться к практической стороне вопроса.

Важно понимать, что этот мертвый пингвин не был взяткой в прямом смысле этого слова. Толя и его кореша лишь попросили профессора обойти экзаменационные правила в награду за то, что они смогли добыть самый желанный, почти невозможный предмет дефицита для общественной коллекции птиц своего института. И старания каждого из добытчиков пингвина были благодарно вознаграждены «тройкой» — минимально возможной для успешной сдачи экзамена оценкой.

В ту пору в СССР обход формальных правил большинством трудящихся граждан (и их начальством) признавался совершенно этичным, если только маневры такого рода служили общественно важным целям, а не личному корыстному стяжательству. Позднесоветская экономика всерьез зависела от возможности людей обходить нагромождение бюрократических глупостей, а этические взаимоотношения граждан за спиной закона были абсолютно необходимы для того чтобы разумно перераспределять материальные запасы, бессмысленно накопленные и обездвиженные в закромах родины. Этические отношения при совершении неформальных операций были спасительной «живой водой» для облегчения мук повсеместного товарного дефицита: поставки расходников на предприятия напрямую зависели от рабочих талантов своих юрких снабженцев, умевших «выбить», «добыть», «извернуться, но достать». Главными же качествами хорошего снабженца считались его наработанные личные связи в любых возможных эшелонах и отраслях. Негласное сгибание под нужным углом всех прямолинейных административных правил широко практиковалось в ту пору и открыто признавалось за гражданскую добродетель. Более того, умение действовать не вопреки, но параллельно закону, минуя его иррациональное русло, было совершенно необходимо гражданам для достижения важных экономических и социальных целей государственного масштаба. И даже детские телепрограммы учили своих маленьких зрителей помогать друг другу нарушать формальные правила, если сами эти правила были формализованы до абсурда: например, посылка должна быть доставлена получателю, но не может быть передана в силу отсутствия у него документов, которые он не может иметь, потому что он кот. Но у кота есть лапы и хвост! Это и есть документы кота! «На документах всегда печать бывает», — парирует почтальон. Кот протестует [Каникулы в Простоквашино. 1980]. Всем смешно, хотя этот мультфильм учит получать посылки без паспорта.

Исследователи неформальной советской экономики замечают, что товарищеской взаимопомощью советские люди часто оправдывали собственные хищения материальных ценностей

[Ledeneva 1998]. Но такой узкий подход к изучению незаконных сделок совершенно не раскрывает искренних оттенков личной доблести тех «несунов и несушек», кто бескорыстно обеспечивал дефицитом своих друзей и коллег, стремясь к коллективному благу. «У меня было невероятное богатство», — рассказал мне один математик, поведав о том, как однажды он раздобыл совершенно новые промышленные нейлоновые воздушные фильтры, из которых его друзья-альпинисты сшили легкие прочные рюкзаки для восхождения в горы. Фильтры он выменял на большую флягу технического спирта, а спирт умыкнул на работе. Обмен вожделенными товарами был совершен на заводе ночью. Сам он, нагруженный тканью, уходил от охраны через крышу и с риском спускался вниз со стены по пожарной лестнице, и да, он ликовал: «Я обладал огромным богатством, я мог осчастливить себя, своих друзей! Это было такое счастье!»

В этой системе этических понятий вырос сам Толя, внезапно раздобывший целого замороженного пингвина для институтской коллекции. Труп пингвина он получил из рук человека, имевшего рабочий допуск к изобилию мороженой рыбы, выловленной гигантскими советскими траулерами в Антарктической зоне.

Я записала рассказ о взятке пингином с некоторым недоверием, развенчав его до забавной сноски в будущей статье. А потом, зимой 2012 года, этот почти мифический пингвин был найден.

Той зимой Елена Т. (незримый соавтор этого рассказа), я и ризеншнауцер Бруна планировали посетить друзей в Украине. Напряжение между двумя странами было уже ощутимо, и Украина предъявляла России на удивление жесткие требования по ввозу домашних животных в страну. В частности, ветеринарные требования включали анализ собачьей крови на токсоплазмоз, который в Санкт-Петербурге можно было сделать только в Государственной ветеринарной лаборатории, расположенной в одном городском пространстве с Санкт-Петербургской ветеринарной академией.

Елена Т. повезла пробирку в лабораторию и три часа слонялась неподалеку без дела в ожидании результатов экспресс-анализа собачьей крови. Не имея чем себя занять, она гуляла по кафедрам академии, разглядывала плакаты на стенах и расспрашивала сотрудников института об их студенческой молодости и о пингвине, пока все-таки не встретила одного доцента, которая да, смутно припомнила, что где-то, когда-то в стенах ее родного института действительно был императорский пингвин. Если кратко: они вдвоем передвинули немало старого хлама, но нашли пингвина! В железном ящике, рядом с двумя чучелами породистых куриц и пластиковой моделью гуся без кожи.

Дела у пингвина обстояли совсем худо... Гораздо хуже, чем у его соседей по железному ящику. Курицы были невероятно грязны, но они еще имели сословную роскошь чучел, профессионально изготовленных таксидермистами на фабрике учебных пособий. А пингвин... Он уже потерял половину клюва, одно крыло и левый глаз. Его полуразвалившаяся голова была кое-как стянута медной проволокой, на взъерошенном теле имелись заметные залысины, проеденные молью и перьевыми клещами. Пингвин ветшал в шкафу, стоя с черным пластиковым мешком на голове, как приговоренный к смерти преступник, ожидающий казни.

К тому часу, когда пингвин был найден в железном ящике Еленой Т., самостоятельная кафедра птичьих болезней уменьшилась до пары рабочих столов в совмещенной кафедре болезней рыб, болезней пчел и болезней пушных зверей. Заслуженного профессора, знатока птичьих болезней на свете уже не было, и эпоха его знаменитой орнитологической коллекции закатилась вместе с ним: большие чучела орлов, журавлей, беркутов, глухарей и прочую роскошь давно растащили и распродали кого куда, а о маленьких пташках и вовсе спроса с сотрудников не было. Слепой облезлый пингвин без крыла и две самые заурядные курицы — вот и все, что осталось от знатной советской коллекции институтских чучел.

Времена, когда советские люди старательно выменивали, собирали, добывали и складировали «на всякий случай» все, что смог раздобыть и достать — закончились. Потому что сам советский тотальный дефицит закончился: единственное, чего всем стало остро не хватать — это денег. Постсоветские экономические рефор-

Илл. 1. Пингвин в шкафу в Ветеринарной академии. 2012. Из личного архива автора.

мы изменили материальные свойства дефицита и профицита, преобразовав их в сугубо денежные отношения. Пока пингвин стоял в металлическом шкафу с черным мешком на голове, большинство огромных заводов, которые делали Ленинград промышленным центром, были разорены и закрыты. Чего только эти заводы не выпускали ударными темпами! Огромные корабли и маленькие лодки, горные машины, танки и тракторы, микроскопы и фотоаппараты, противогазы и детские игрушки, шарикоподшипники и стеклянную смальту... Но в новых экономических реалиях гигантские антарктические траулеры оказались убыточной грудой железа, они заржавели в портах и позже были распилены и проданы на металлолом.

Централизованная система, прежде распределявшая госзаказы и обязательства промышленных предприятий, теперь стала распределять доступ к излишкам от прибыли продаж российской нефти на внешнем рынке. Цена на эту нефть в ту пору взлетела выше чем \$100 за баррель, и толстые денежные сгустки углеводородных излишков просачивались щедрой росой сквозь стенки магистральных трубопроводов, выстреливая нескончаемыми фейерверками пафосных народных гуляний. Шальная нефть проступила на обновленных фасадах столичных зданий лаковой пленкой отделки сорта «евростандарт», покуда разорялась и ветшала бедствующая деревня. Прибыль российских компаний, полученная от продажи углеводородов, имела пристрастие к пышным формам, но она была весьма бесчувственна ко всем тем, кто не имел доступа к трубе. Труба (и ее окружение) стала все больше слыть «коррупцированной», сочащиеся из трубы сливки распределялись в порядке старшинства родственных связей, взяток, откатов и старинных личных обязательств, но только не в силу оптимального развития национального бизнеса.

Коррупция, а не что иное, повсеместно обсуждалась в то время, когда Елена Т. нашла ветхого пингвина в забытом металлическом шкафу. Коррупция обсуждалась друзьями за ужином и незнакомцами в общественном транспорте, коррупция удобно выручала любое неловкое молчание приятной темой разговора, с которой каждый мог согласиться. Бездонная логика коррупции смешивала обвинения во взяточничестве и кумовстве с теориями заговора против неопределенных внешних сил: против Америки, демонов, арабов, сионистов, пятой колонны и международных корпораций. Левая и правая пресса равно выступали борцами против коррупции, неизменно обвиняя оппонентов в коррупционности, и сообщая все они обсуждали кризис в сфере образования. Некоторые упрямо настаивали на том, что в России еще существуют университеты, в которых оценки никогда и ни при каких обстоятельствах не мо-

гут быть куплены. Другие оспаривали такие заявления, так как сами в свой час оплатили взятками поступление в самые неподкупные вузы. Новое время породило и новую окраску застольных баек. Например, мой знакомый врач-невролог рассказала о ее собственных проблемах, которые ей пришлось решать в Медицинской академии: офицер, преподаватель военной кафедры, оптом принял взятку от всего курса за месяц вперед до экзамена. Он вписал оценки в зачетки впрок и уехал в летний отпуск, где скоропостижно умер, оставив свою бестелесную подпись для разбирательства в деканате с живыми участниками сделки.

Перестроечный коллапс ликвидировал сотни ленинградских предприятий промышленности и аграрного сектора, а вместе с ним — сотни тысяч рабочих мест и законы об обязательной занятости населения работой. Но высокая цена на нефть помогла устранить и этот инфраструктурный недостаток, создав рабочие места в частной охране — в ЧОПах, куда теперь нанимают мужчин, имеющих навыки военной службы. ЧОПы существуют, чтобы придавать вид охраняемых разным объектам: под их неусыпной охраной находятся детские сады, банки, автостоянки, заводы, школы и институты, включая и Ветеринарную академию.

Летом 2013 года Елена Т. пришла с большим рюкзаком в Ветеринарную академию ближе к вечеру, когда дневные лекции уже закончились. Она нашла искомое в том же пыльном шкафу (заранее оплаченное такси поджидало ее на улице), быстро сунула пингвина вниз головой в рюкзак и решительно вышла через проходную. Пингвин не поместился в рюкзак целиком — императорские пингвины велики ростом, и лапки пингвина предательски торчали наружу. Охранник предсказуемо остановил ее в проходной...

— Что несете в рюкзаке?

— Пингвина чучело несу.

— Разрешение на вынос пингвина имеется?

Невыносимая жара сжигала город вечером 17 июня 2013 года. И это всех изрядно раздражало. Елена Т. пояснила: нет, у нее нет пропуска для пингвина, она несет эту ветхую тушу на реставрацию, она просто курьер, никаких бумаг ей никто не дал, но если отсутствие удостоверения личности этого сгнившего пингвина столь беспокоит охранника, то она согласна останки пингвина немедленно вынуть и оставить на столе в комнате охраны вместе с императорскими власоедами, молью и перьевыми клещами. Сама Елена Т. при этом разговоре ярко пылала красными пятнами аллергии на щеках и безостановочно чихала. Охранник, взвесив свои ближайшие перспективы, принял мгновенное решение и открыл турникет.

В том же самом году, когда императорский пингвин был случайно пойман в рыбацкие сети и вместе с уловом рыбы заморожен в морозильной камере супертраулера, а далее прибыл в вагон-холодильнике в разделочный цех на ленинградский рыбоконсервный завод, я родилась в ленинградском родильном доме. Пока я росла, а промышленная инфраструктура Ленинграда рушилась, пока новая экономика гламурного потребления и денежного дефицита заменяла накопление материальных ценностей, пингвин становился все более и более бесполезным. Он стал настолько бесполезным и малопривлекательным, что даже избежал участи быть похищенным с целью продажи, в отличие от других чучел этой коллекции, разоренной дотла.

А потом, ровно три десятилетия спустя, мы встретились.

Утром, в день моего тридцатилетия, я обнаружила эту бесценную полуразрушенную птичью тушу на своем обеденном столе в питерской квартире. Пингвин был слегка почищен и обрамлен цветами. Теперь он назван Анатолием (в честь Толи, запевалы этой истории про пингвина), должным образом вымыт, обработан от клещей и тщательно отреставрирован искусным таксидермистом.

Беньямин замечает, что фабулы историй часто зарождаются и гнездятся в несоизмеримостях предметов обмена, цепляясь за грубые материальные тела вещей и за все те осколки и шероховатости, что неизбежно остаются после плавного перетекания их стоимости из одной в другую [Benjamin 1999]. Хорошие истории иной раз начинаются с чьих-то внезапных смертей, а выражи судьбы часто зави-

Илл. 2. Пингвин на прогулке. 2021, Всемирный день пингвинов. Из личного архива автора.

сят от ее собственных прихотей и шуток: например, от счастливой случайности наткнуться на труп императорского пингвина посреди промышленной ленинградской улицы далекой зимой 1983 года.

Я продолжаю историю императорского пингвина: теперь это рассказ о ценностях тех обменов, в которых пингвин был героем-участником, об эпохах, по которым он шествовал, о логике поступков в разные времена и о людях, которые его туда-сюда перемещали. О советских БМРТ, бороздящих просторы Антарктического океана в поисках источников дешевого белка, о грузчике-поденщике, о Толе-студенте, о профессоре-орнитологе, об охраннике на воротах Ветеринарной академии. И еще он — о Елене Т., которая подарила мне эти величественные мощи советского императора Антарктиды, моего ровесника и развенчанного короля институтской коллекции чучел.

Пусть эта история принесет славу всем тем, кто добыл его в разное время.

Список источников

1. [Каникулы в Простоквашино. 1980]— Каникулы в Простоквашино. Мультфильм. Реж. Владимир Попов. СССР, Союзмультфильм, 1980.

Список литературы

1. [Benjamin 1999]— *Benjamin W.* The Handkerchief // Selected Writings, Vol. 2, Part 2. Cambridge MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. P. 658–661.
2. [Kock 1992]— *Kock K.-H.* Antarctic Fish and Fisheries. New York: Cambridge University Press, 1992. 359 p.
3. [Lammi 1987]— *Lammi E.* Soviet Fishing Threatens Antarctic Sealife. United Press International. 4.03.1987.
URL: [link](#) (accessed: 15.02.2022).
4. [Ledeneva 1998]— *Ledeneva A.* Russia’s Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange. New York: Cambridge University Press, 1998. 256 p.

[Ксения Черкаева](#)
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург),
Департамент истории,
старший преподаватель
xenia.cherkaev@gmail.com

[Xenia Cherkaev](#)
National Research University
“Higher School of Economics”
(St. Petersburg),
Department of History,
Senior lecturer
xenia.cherkaev@gmail.com